

АЛЕКСАНДР КУДЕЛИН

НЕУСТАВНЯК

КНИГА 1

**В ЭТОЙ КНИГЕ НЕЦЕНЗУРНАЯ
БРАНЬ ОТСУТСТВУЕТ**

16+

Александр Куделин
Неуставняк-1. Книга 1

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Куделин А.

Неуставняк-1. Книга 1 / А. Куделин — «ЛитРес: Самиздат»,
2013

Эта книга про то, что нас побеждает, что превращает мальчишек в мужчин – про то, что они уже не вернутся и что не разглядить нам больше морщин. — Что?! Наших детей здесь убивают? — я трижды слышал протест от опьянённых справедливостью родителей.— Нет! Они убивают друг друга сами, вбивая колья в собственные души, чтобы добиться успеха в равном себе коллективе. Нет жалости у меня ни к тем ни к другим – есть только желание рассказать, что происходит там, где вот сейчас, преодолевая трудности, взрослеют на всю жизнь, так как оставив на пороге родного дома детство, наши дети ушли превращаться в мужчин.

Содержание

КНИГА-1	5
Часть 1: ЯВЬ	6
СКВОЗЬ РОЗОВЫЕ СНЫ И ГРЁЗЫ	6
ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ	8
МЯСО	9
ДРУГ-ТОВАРИЩ	13
ЖИЗНЯ	15
ПРИЗЫВ	18
ЕГОРШИНО	23
ПРИЕХАЛИ	25
ПРИБЫЛИ	33
Часть 2: ПУНКТ СБОРА	35
ОСТАТОК ПЕРВОГО ДНЯ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

КНИГА-1

Анонс

Начав читать данное произведение, вы глазами автора проследите весь сложный период становления солдата, который обусловлен некой инициацией, предшествующей перерождению молодого человека в мужчину – в того, кто и сейчас защищает пределы нашей Родины. Вы узнаете условности и обычаи, познаете трудности и сможете сами оценить сложность обстановки, в которой пребывает или пребывал ваш знакомый, отдавший долг Родине, защищая спокойствие вашего сна.

Рассказ автора в стиле разговорной речи, приобретённой за время его пребывания в армии, открывает читателю всю глубину и неоднозначность межличностных отношений, присутствующих в армейских коллективах.

Ограничения 14+!

Данное издание в целях начального ознакомления с произведением не содержит бранных слов, так как согласно Закона о Русском языке книга в её первоизданном состоянии на полке магазина должна находиться с рядом наложенных на неё ограничений, что не позволит вам открыть её и бегло поинтересоваться. Все бранные слова в данном издании заменены **по смыслу и выделены**, чтобы вы видели эти места. Последующие части этой книги и книг данной серии будут представлены в оригинальном виде – в том, в котором автор посчитал нужным представить свой рассказ.

Неуставняк – это неправомерные взаимоотношения между людьми в любом обществе, вытекающие из природной сущности человека, обусловленной его стремлением доминировать среди равных себе, подавляя слабых. Это относится ко всем сферам жизнедеятельности человеческого общества, включая правовое поле, криминал, коррупцию, извращения и использование личных связей. В высшей степени это проявляется в Армии.

Я вошёл в армию солдатом, и мой успех полностью основан на унижении себе подобных ради меня самого. И каждый прожитый в ней день отобран мной у другого, который его только просуществовал.

Часть 1: ЯВЬ

СКВОЗЬ РОЗОВЫЕ СНЫ И ГРЁЗЫ

Нет хамства в этой книге ни на грош. Вся прямая речь – это существующие реалии нашего времени, отрицание которых бессмысленно на просторах необъятной России. Прошу вас спрятать своё ханжество. Вы, мой читатель, приняв решение родиться в пределах границ бывшего СССР, кровью своей подписались слышать и применять её – истинную Русскую речь. Киты в своём звуковом послыле передают информации больше, чем люди, зато Русский Мат более ёмок. Он таит не только зашифрованную информацию в раскрываемой теме, но и наполняет речь всеми оттенками эмоций, которые другие народы вынуждены выражать мимикой, жестами и интонацией.

Общеизвестное и ставшее уже безобидным существительное **начинающееся на букву «б»**, применяемое в речи детьми ясельной группы, по непонятным мне причинам всегда приходится к месту, когда его произносит мой соотечественник горшкового возраста. Вы и сами не раз удивлялись этому парадоксу. Я, как и вы, не учу своих детей Мату, они постигают его самостоятельно. Современные тинэйджеры более продвинуты в использовании родного языка, чем мы это подозреваем. К тому же, я раскрываю вам события такими, какими они были, и глупо рассказывать о них, держа в руках ножницы, кромсая чувства, запахи и звуки, превращая моё повествование в пресное изложение чужой жизни.

Сто процентов моего рассказа – правда, в которой девяносто восемь – моя собственная жизнь и два – переживания друзей и попутчиков.

Поводом для изложения этой армейской саги послужила повестка моему сыну на прохождение допризывной комиссии.

Отстояв своё право на успех, я и сейчас считаю, что мужчины рождаются только в Армии. Возмужание через коллектив изначально равных – это инициация, прошедшая сквозь века, которую ничто и никогда не заменит. Я не собираюсь вступать в споры с мужланами, успешно избегающими возможности постичь себя, но и не настроен говорить армии «Нет!». Моё повествование о том, что было со мной и что будет с нашими детьми.

Я очень хотел стать военным, но мне и в голову не приходило, что я попаду в армию в качестве солдата. Моим стремлением было стать офицером, и не просто офицером – вы только вслушайтесь, как гордо это звучит: “лётчик-истребитель-штурмовик морской авиации”. Представьте себе: лётчик и моряк одновременно. Ты в чёрной парадной форме морского офицера, при белой фуражке, с кортиком на ремне, но ты не тихоходная морская черепаха, а гроза морей – корсар, заметив которого на горизонте, все стараются свернуть с курса и раствориться, как морская соль в воде. При всём этом ты самостоятельно управляешь самой современной техникой в мире – самолёты палубной авиации сложнее космических кораблей. У меня и сейчас холодок по коже пробегает при мысли о триумфе, который я должен был испытать по истечении четырёх лет учёбы в Ейском высшем военном авиационном училище.

Но судьба распорядилась иначе, и я, успешно окончив Электромеханический техникум, попал курсантом в батальон связи учебной сорок четвертой Десантной дивизии, где и принял свой первый неравный бой за мою душу, о котором теперь хочу рассказать.

Рассказ мой – не прачечная брэнной души, а откровение рядом стоящих с вами мужей, друзей и мальчишек, которые уже сейчас, мечтая повзрослеть, несут тяготы воинской службы.

Имена участников, затёртые памятью иных событий, я прорисую образами, в которых характер описанных сослуживцев передан с точностью до волоска.

Вся моя исключительность состоит лишь в том, что дворовое детство, украденное компьютерами у наших детей, перемещало меня как в плоскости района нашего города, так и по стране, накапливая жёсткость встреч в разных уголках необъятной моей Родины. Решив, по известным только им причинам, жить на Урале, родители долгое лето и все каникулы дарили моим многочисленным родственникам, которые живут и сейчас в разных уголках прошлого государства. Своеобразная смена месторасположения детей приветствовалась нашими семьями, чего не скажешь о нас (детях), которым приходилось приспосабливаться к различным обстоятельствам проживания и произрастания в чужой среде обитания.

Не думаю, что вам уместно будет читать сей фолиант глазами автора, и поэтому, начав издавна, предлагаю вам, поменявшись на время душами, пройти мой путь в армии до конца, примерив на себя то, что я носил в себе, пока не повзрослел на эти несколько лет.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ

Город Свердловск, февраль 1983 года. Я оканчиваю техникум. Получить красный диплом мешают только две тройки, которые прихватил с первого курса, но пересдавать предметы я не буду, так как это не освободит от экзаменов в военное лётное училище, а ещё скоро весна, и мне просто лень.

Мне восемнадцать с половиной лет. Зовут меня Гриша, вернее, Григорий Иванович. А если быть точнее, то я Саня, а Григорий Иванович – это моя Уралмашевская кличка. На дворе развитой Социализм, я учусь в авиаспортивном клубе на пилота самолёта третьего класса, у меня три прыжка с парашютом. Мне пришлось бросить секцию бокса, так как микросотрясения мозга могут привести к потере ориентации в пространстве, но тело моё упруго и накачано. Мне ничего не стоит пробежать на время пять километров, сохранив при этом вполне ровное дыхание. На меня уже давно заглядываются девчонки, но я берегу себя от слишком близких с ними контактов, чтоб не раздавать обещаний, так как связываю свою судьбу лишь с будущим триумфом.

Мать, каждый раз провожая на улицу, просит меня не задерживаться дольше десяти часов вечера. Я, выше на целую голову, слегка приобняв её, говорю:

– Мам, ты не беспокойся. Я постараюсь прийти до десяти, но ты ведь сама понимаешь: не могу же я своим друзьям сказать – пойду-ка я спать, а то меня мама ждёт. Я приду, а ты ложись пораньше, со мной ничего не случится.

Мама виновато, но с нотками металла в голосе произносит следующую фразу: «Саша, ты уже взрослый и должен знать, что родители всегда переживают за своих детей. И потом, всё равно я не лягу спать, пока ты не вернёшься. Пойми, мы живём не в самом благополучном районе, а ещё этот Григорий Иванович на нашей улице. Я так за тебя переживаю».

Было трудно с собой совладать, чтобы не подать вида – горько и занятно – моя мать боялась за меня же из-за меня самого! Пришлось объяснить, что Гришу я знаю, и он меня не тронет.

Уже уходя, я услышал в ответ, в спину: «То, что ты его знаешь, страшит меня ещё больше! О нём многое говорят, и многие его боятся!»

Но дверь уже закрывалась, и я быстро спустился с третьего этажа нашей хрущёвской пятиэтажки.

МЯСО

В этот вечер у мамы действительно был повод для беспокойства.

Двор моего дома и сейчас неуютен для сбора друзей и подруг, но за домом, через дорогу, находилась великолепная по тем временам школа № 27. На просторном дворе этой школы мы играли в футбол, катали снежные комья и строили крепости, курили, пили вино и учили друг друга матерным словам. Наши девчонки стойко переносили мальчишескую лексику, дополняя её новыми, более современными оборотами. Они были всегда рядом, их меняющиеся тела заставляли нас взрослеть и совершать порой безумные поступки. Их ранняя рассудительность сдерживала наши воинственные порывы, не давала нам напиваться и охраняла случайных чужих, зашедших в пределы нашего двора. Наш двор – это целый микрорайон, очерченный четырьмя улицами со школой внутри. Основное место обитания зимой – подъезды одной из трёх девятиэтажек.

В тот февральский вечер шёл пушистый снег. Ночь фонарями очерчивала возле подъездов островки. Снег вырывался из ночной пустоты и большими хлопьями посыпал двор. Мы стояли возле одного из наших любимых подъездов, травили анекдоты, подшучивали друг над другом, вспоминая достойные события прошедшего дня. Команда у нас была весёлая, и поэтому затихший ночной двор периодически взрывался нашим громким лошадиным ржанием.

Вынырнув из ночной снежной суматохи, к нам резвым шагом подвалили два незнакомца. Один – высокий и здоровый в длиннополом тулупе, второй – недомерок в чёрной болоньевой куртке. Здоровяк, не дойдя шагов десять, резко остановился и, распахнув тулуп, выхватил ружье. Два круга дульных срезов гипнотизировали наши взгляды, словно глаза кобры, втягивая их в жерла воронёной бездны. Быстрым движением он взвёл курки и стал метиться, нервно выбирая цель.

– **Так, недоноски, а ну все выстроились вдоль стены!** Кто рыпнется – застрелю!!!

– Бабы на скамейку! А вы, козлы, к стене!!! – заверещал мелкий.

– Кто рыпнется – порешу всех! – объявил здоровяк.

В душе появилась опаска. Боксёрский ринг научил прогибать ситуацию под себя, но эти два отверстия смотрели так угрожающе, что альтернатива в данный момент отсутствовала, так как расстояние до стрелка было слишком велико, чтобы достать его и постараться дать отпор. Мелкого я в расчёт не брал – этого и соплей перешибёшь, но аргумент в руках здоровяка был весомей любого варианта.

Мои друзья быстро стали выстраиваться вдоль стены, справа от подъездной двери. Не знаю, как они, а я осознал, что стена – это эпитафия “Прощай, мама, я погиб бесславно”. Погибать молодым очень уж неохота! Моя медлительность была ответной реакцией на напор противника. Вроде как сопротивление бесполезно, но и выполнять его указания душа не принимает. Мелкий суетливо бегал между нами и, толкая в спины, старался добиться полного повиновения. Ему это почти удалось. Восемь из девяти уже стояли, прижавшись к стене дома, остался только я.

– Ты чё, **гадина**, не слышишь?!? К стене, **недоносок**!! – Он толкнул меня в плечо и занёс ногу, чтобы пинком под зад придать ускорение до места казни.

– Спокойно, мальчик, дёрнешься – задушу! – Отбив рукой ногу, я схватил его за шкиряк и, прикрываясь им, как щитом, отступил к подъездной двери, а открыв её свободной рукой, крикнул: «Пацаны, валим»!

Стремительность друзей была как никогда. Геройства в моём поступке было ни на чуть, потому что, поддавшись панике, в подъезд я бросился не последним, а, швырнув замухрышку в сторону стрелка, влетел туда, задвинув двух. Падение недомерка дало дополнительное время

нашему арьергарду. Их спасло то, что я мелкого бросил к ногам здоровяка, тот отвлёкся, и секунды отставшим было достаточно.

Я забежал в пустой подъезд. Друзей в нём уже не было. Нет, они были здесь, но растворились до полной пустоты. Время переключилось на свой запасной ход – это когда секунда равна трём минутам.

Производя поступательное движение ногами, я попробовал трезво сообразить: «Надо подняться выше? Но выход на крышу дома в соседнем подъезде. Особо скрыться негде! За трубу мусоропровода – нет. Сейчас они бросятся за нами, первых, кого найдут, порешат. Надо подняться как можно выше. Кого найдут, того и... а значит, будет много шума. Шум привлечёт жителей, дверей они не откроют, но милицию вызовут. Милиция, конечно, приедет, но это займёт время, а вдруг патронов хватит и на меня?!»

Мысль, что патронов может и хватить, породила в животе неприятный холод. Достигнув шестого этажа и памятуя, что никто меня не обгонял, я решил оглядеться. Время вернулось в нормальное русло, но прохлада в животе напоминала: опасность рядом, вернее, внизу. Закуток мусоропровода имел стандартное окно с видом на двор, обычно он использовался как этажная курилка. Сердце билось учащённо, дыхание срывалось и сильно хотелось заголосить, но мысли были ясны, как никогда. Я влетел в один из этих закутков и, выглянув в окно, увидел, что, спасая свои задницы, мы совершенно забыли про девчонок. Там, внизу, на скамейке, сидели наши девчонки, а здоровяк, топчась на месте, размахивал перед ними своим ружьём. Мелкий же, как заведённый, бегал по приподъездному пятаку и размахивал какой-то сумкой.

Холод, отступив от живота, проник в темя и покатился по спине. Сердце замерло, а руки вспотели: «Позор!!! Как я, Гриша, мог оставить наших девчонок на поругание чужим! И пусть они со стволом, но они там, а я, бросив их, здесь!». Это позор!!! А позор для меня равен смерти.

Я сделал три шага назад к ближайшей квартире и ненастойчиво позвонил. Через десять секунд дверь без расспросов приоткрыла достаточно тучная бабка. Я быстро схватил освободившийся край косяка левой рукой и всем телом подался на дверное полотно. Бабка взревела, как сирена, и, ухватившись за дверь, стала отъезжать вправо, освобождая проход. Её недолгий напор спал, когда в коридор вывалился нехилый дядя, выше меня на целую голову и в два объёма животом. Он бросился ей на помощь, решив своим телом закрыть образовавшуюся брешь. Я же, окончательно задвинув её к стене, ринулся вперёд.

Некоторое время дверь оставалась открытой, и подъезд наполнялся истошными криками вмурованной в стену бабки.

Дядя выкинул вперёд обе руки, желая задержать меня на расстоянии, безопасном для собственного здоровья. Я, сделав резкий уклон вправо, быстро обошёл его по кругу. За ним оказался мальчишка лет десяти-двенадцати. И откуда их так много понабежало?! Взяв мальчишку за плечи, я, словно в вальсе, поменялся с ним местами, и он, став прокладкой, мешал дяде до меня дотянуться.

Тут бабка, опрокинутая мной и собственным весом, всё же смогла закрыть дверь, запечатав меня во враждебно настроенном, но менее опасном, чем сейчас улица, пространстве. В принципе – это была реальная крепость, в которой можно переждать, вернее, отсидеться. Как потом оказалось, я единственный, кто позвонил в чужую дверь и завоевал пространство для собственной безопасности.

– Что тебе надо? – спросил дядя, прижимая мальчишку к своему животу с такой силой, что мальцу, вероятно, начали мерещиться трубы перехода в другой мир.

– Там, внизу, на нас напали. У них ружьё! – отлил я не своим голосом. Я как будто услышал себя со стороны – в голосе не было страха, но решимость говорящего внушала доверие.

– Да?! А я думал, мне показалось! А это и вправду ружьё? – спустил пары дядя. – Что ты хочешь?

– У вас есть телефон? Надо срочно позвонить в милицию.

– Звони, телефон за тобой. – Он приотпустил голову мальчишки, и тот задышал, как после скоростной стометровки.

Я повернулся, телефон стоял на маленькой полочке, изготовленной заботливыми руками хозяина, явно ценившего эту тогдашнюю редкость. Белый карболитовый корпус накрывала ажурная вязаная салфетка. Я без лишних церемоний схватил трубку и набрал «02».

– Милиция, слушаю вас. – Голос прозвучал практически сразу.

– В нашем дворе по адресу: Восстания, дом сто восемь, двое угрожают огнестрельным оружием и готовы расстрелять подростков, находящихся возле подъезда.

– Повторите адрес, – безучастно проговорил голос.

Я повторил адрес, затем меня попросили сказать, откуда я звоню, и дядя назвал мне номер квартиры.

– Ожидайте, наряд выезжает! – Короткие гудки и холод вернувшейся действительности.

Пока я разговаривал по телефону, бабка переместилась в амбразуру кухонного входа, мальчишку пихнули в ближайшую комнату, а в коридоре остались только мы с дядей.

Я, управляя растрепавшийся шарф, двинулся к двери, дядя, вжавшись в стену, пропустил.

– Ты куда? Не надо туда идти, – пролепетал он взволнованным голосом. – Оставайся здесь.

Знаете, такое лепетание потерявшегося в толпе ребёнка. Напор, с которым он ринулся защищать свой придел, спал, глаза закосили, взгляд потерялся, а сам он обмяк и сдулся.

– Не могу! Там у нас внизу девчонки!

Голос был не моим, и вообще, всеми моими действиями словно управлял другой человек! А я? Я будто был сторонним наблюдателем. Я будто раздвоился: основное Я, покинув тело, выпало в астрал и стало наблюдать за всем со стороны, а на его место встало второе – упрямое, твёрдое, как чугун, расчётливо-жестокое, готовое убить основное Я в угоду исполнению задуманного. Это бывает на ринге и в драке, но только на долю секунды и перед опасным ударом противника. В этот момент, если ты не успел уйти от удара, то удар получаешь не ты, а твоё второе Я.

– Может, лучше тебе остаться? – Дядя явно был растроган моей решимостью.

– Не, я пойду, а вы посмотрите за нами в окно, потом, если что, расскажете всё милиции.

– Хорошо, я не буду закрывать дверь, что случись – беги сюда. – Он протянул свою руку и открыл хитроумный дверной замок.

Я шагнул навстречу смерти. За спиной осталась крепость, в которой заплатой на паркетном полу валялась белая кружевная салфетка. Дверь за мной закрылась, и сразу послышалось, как дядя взводит все свои замки и задвижки, переводя крепость на осадное положение.

Ну а я?

Я быстро, чтобы не дать себе остыть, бросился по лестнице вниз.

Страх не было – лишь только решимость и шевелящийся холод в животе.

Дверь на улицу я распахнул широко и резко. Противник совершенно опешил от такой моей наглости. И я, сделав четыре шага в сторону здоровяка, остановился.

– Значит так, я вызвал милицию, и, если вы в течение двух секунд отсюда **не убежите**, вас повяжут и посадят.

– Чё? Чё ты сказал, я щас тебя **застрелю** прямо в живот! – Здоровяк наставил на меня двустволку.

В животе от холода появилась дыра, и я прямо почувствовал, как пули, отделяясь от стволов, одна за другой входят в моё тело, выворачивая куски мяса уже из спины.

Расстояние между мной и срезом ружья было не более трёх метров, и я уже был готов дотянуться до него, чтоб постараться если и не выбить, то хотя бы до выстрела отвести ствол в сторону от моего брэнного тела. Но между нами вдруг встала Абалихина Ленка.

– Мясо, ты что, **обнаглел**, убери свою берданку! – Говоря это, она слегка откинулась на меня, превратившись в щит центуриона. – Убирай, я тебе говорю!

– Пусть он повторит, что он сказал! – Здоровяк вновь принял обличье стрелка, но перед тем как убить меня, он был намерен продырявить и Ленку.

– Ты что, **не въезжаешь** – глухой? – сказал я и левой рукой стал её отодвигать за себя. Она сопротивлялась несильно, и мне это было на руку, так как в результате этого манёвра я приблизился к противнику ещё на один шаг.

Ещё мгновение, и я готов был вступить в бой – нужно было только лишь освободить левую руку, которая фиксировала Ленку за спиной. Слава богу, Ленка не сопротивлялась, а прижалась к моей спине. Мелкий, видимо, помня свой конфуз, отступил ближе к стрелку и замер.

– Ну ладно, ты достойный парень, хоть и убежал, а всё ж вернулся! – сказал, улыбаясь, здоровяк. – Все остальные – говно и бабы, ты им так и передай. Тебя не трону, а их по очереди будем **насиловать**.

– Знакомься, Гриша – это Мясо, мой одноклассник! – Ленка выскочила из-за меня и встала сбоку, между нами.

Я был в полном замешательстве, ничего себе одноклассник! В свои шестнадцать он выглядел на мужика за тридцать с повадками сиделого блатаря. Недомерок, вида пятиклассника, оказался тоже одноклассником, по прозвищу Шлёма.

Они, смеясь, поведали такую историю:

...Живут они на ШКЗ (воинственный и пьяный микрорайон на Уралмаше, граничащий с нашим двором). Зашли к соседу бухнуть, но застали его в стельку пьяным. Пошарили в поисках чего-нибудь съестного или бухла, но ничего не нашли. Зато в шкафу обнаружили ружье и пачку патронов, ну и пришла мысль слегка прогуляться и поколядовать. На улице встретили одинокого мужика, пугнули ружьём и отобрали сумку, в которой оказался кусок колбасы, буханка хлеба и литровая бутылка молока. Попировав немного прямо на улице, решили прогуляться по соседнему району, куда раньше им путь был заказан. Зашли в ближайший двор и увидели нашу толпу. Ленка их сначала не признала, да и они не сразу её заметили...

Я спокойно выслушал их рассказ и ещё раз повторил:

– Парни, вы чё?! Не въехали?! Я ментов вызвал, и если вы сейчас **не исчезните**, то вас повяжут.

– Так ты **правду сказал**?! – недоуменно спросил Мясо.

– А он, Мясо, никогда **не врёт** – это ж Гриша!

– А мне **не важно**, что он Гриша! Я тебя, **недоносок**, разорву!

– Конечно, разорвёшь. Но только в другой раз! А сейчас, если не хочешь залететь, **уноси ноги!!!**

Мясо и его щенок без лишних разговоров ретировались, и в скором времени во дворе остались только я и четыре наши девчонки. Парни так и не вышли, хотя никто из них в этом подъезде не жил. Решив, что не стоит долго задерживаться во дворе, а то приедет милиция и начнёт расспрашивать, мы, немного постояв, разошлись. Я довёл девчонок до их подъездов и пошёл через школьный двор домой.

ДРУГ-ТОВАРИЩ

Назавтра была суббота. В этот день мы собирались во дворе примерно часа в два дня. Когда я подошёл, возле последнего подъезда стояла кучка моих товарищей. Ночью я спал сном младенца, но утром пришло осознание, что слова “друг” и “товарищ” – это не одно и то же. До наступившего рассвета все более или менее близкие знакомые были для меня друзьями и товарищами одновременно, но этим утром я пересмотрел приоритеты и понял, что друзей у меня весьма мало.

Я подошёл, поздоровался и, как ни в чём не бывало, завёл разговор по поводу воскресного похода на озеро Шувакиш. Наша толпа любила ходить туда почти каждое зимнее воскресенье. Там было прикольно: сухие камыши и осока снабжали топливом, и мы прямо на льду разводили колоссальный костёр и в течение часа поедали всё то, что с собой принесли, а иногда и выпивали.

Постепенно все дворовые товарищи, девчонки и Ленка собрались возле последнего подъезда, над которым нависал следующий двенадцатиэтажный дом, представляя уступом своего торца дополнительную крепостную стену. Откинув вечернее происшествие как условное недо-разумение, мы стали строить планы на завтра, и наше обсуждение принимало уже бурный характер.

Вдруг к подъезду быстро подвалило человек пять нехилых взрослых парней. Они стали полукругом так, чтоб никто из нас не свалил. В центре стоял вполне взрослый парень со знакомыми чертами – это был Мясо.

– Ну, где ваш вчерашний герой? – он лыбился, набычив голову, глядя из-под бровей.

Я понял, что вопрос относится ко мне.

– Чё ты хотел?

– Так ты, **недоносок, и вправду вызывал** вчера ментов?

– Ты че, **тупой, я что, повторяться буду?!**

– Ну, тогда я **пришёл тебя рвать**.

– У тебя, я вижу, сплошные крайности. Вчера – ружье, сегодня – старики!¹

– Не бойся, они просто постоят, чтоб вы тут все на одного не налетели, а мы сейчас с тобой будем биться.

– Дурак ты, Мясо! Мне биться с тобой только в радость: я боксёр, и тебе от меня целым не уйти. Одного опасаясь: если **я тебя забью**, мне с четырьмя стариками не справиться.

Немая сцена длилась несколько секунд, затем Мясо улыбнулся и подошёл ко мне с открытыми объятиями.

– **Ё-моё**, в натуре, парни, он дружбы достоин! – Он притянул меня к себе и обнял, затем, словно отпихнув, развернул в сторону моих товарищей. – А это говно **выбрось и забудь**.

– Пусть это говно, – сказал я, освобождаясь из его рук, – но это моё говно.

От его улыбки несло вином и луком.

– Ладно, Гриша, твой двор – твои порядки. Но, если кто тебя тронет, знай – у тебя есть я! Я за тебя лягу!

Пятёрка быстро свернула свой строй и удалилась со двора вон. Их провожали молча, а товарищи, пряча взгляд.

– Гриша, а ты знаешь, что у Мяса ружье было незаряженным?! – взорвала нависшую тишину Ленка.

– ... А ты знала, когда вставала между нами?!

– Ну, да! – улыбнулась она. —Знала.

¹ Старики – молодые люди, прошедшие армию, но ещё не женившиеся и потому скитающиеся с дворовыми командами.

– Ну и дура! – ответил я после паузы. – Я-то не знал и умирать за вас шёл по-настоящему, а не понарошку.

Вдруг стало горько, противно – прямо до блевоты. Я цыкнул плевком под ноги только что желанной девочки, развернулся и пошёл через школьный двор в сторону дома. Ленка, срывая голос, долго в спину звала, называя то Гришей, то Сашкой. Я не отвечал. Ко мне пришло второе озарение: поступок – это доблесть перед собой, а не перед окружающими.

Когда я шёл через школьный двор, из-за угла школы появился вчерашний дядя, он узнал меня, но повёл себя как-то странно. Зачем-то открыл свою сумку и, не глядя в неё, чего-то там пошарил, затем, резко развернувшись, почти бегом скрылся в обратном направлении.

Обида на сердце оставила большой рубец, но потребность в общении через полтора месяца вернула меня назад, во двор – к “друзьям-товарищам”.

ЖИЗНЯ

Со мной и Гришей происходило достаточно много приключений, драк, разборок, недо-разумений – это отдельные темы отдельных рассказов. Но для оценки моего духа на день при-зыва следует, наверное, дать краткое повествование о моей жизни.

У меня очень ранняя память, и яркие события я помню с момента моего движения из пустоты на белый свет.

... Первый осознанный поступок я совершил в яслях. Мне было чуть больше трёх лет. Это осень 1967 года.

Мои ясли находились на улице Кировоградской, дом тридцать один. В тот день утром меня туда вёл отец. Я не помню, кто меня туда обычно водил, но тот день запомнился осо-бенно. До тридцать третьего дома он нёс меня на плечах, и это было здорово, а потом пред-ложил мне немного пройтись пешком.

– Знаешь, друг, давай-ка походим ножками, а то я устал нести тебя.

«Я же не устал!» – подумал я. Вовремя смолчать – это дар, который дан мне как бонус за то, что я родился.

Усталость в моём возрасте – тёмная сторона, которую ещё следовало познать.

Отец поставил меня перед собой именно так, как сейчас ставлю я, снимая с плеч своего четырёхлетнего сына. Оправил на мне серенькое пальтишко и взял своей широкой рабочей ладонью мою ладошку, которая исчезла в ней, как в варежке. Я шёл, торопливо семеня за ним. Отец явно спешил, но эти сто шагов были предназначены для моего здоровья, именно так я поступаю и сейчас. День явно не задался. Как нас передавали из рук родителей в руки воспитателей, я не помню, но помню тоску, которую ощутил, когда отец сказал: «Вечером за тобой придёт мама.»

Его шершавые руки переодевали меня для нахождения в группе.

– А вечер – это долго?

– Нет, сейчас вы позавтракаете, потом ... – отец рассказал мне подробно весь наш сегодняшний распорядок, и я понял, что это очень и очень долго. На глаза навернулись слезы...

С того момента до четырёх с половиной лет я отца не помню. Но этот неудачный день я выпил весь без остатка.

Позавтракав какой-то ясельной размазней, я со своими ребятами остался играть в группе. Из-за пасмурного позднего дня нас не повели на прогулку. На улице я всегда нахо-дил себе занятие, но в группе уже всё было изучено. Масса пирамидок и незатейливые кон-структоры из кубиков мне давно надоели. Делать было совершенно нечего. Я слонялся по игровой комнате и, периодически приставая к другим, завершал их сложные начинания по рас-становке игрушек, сборке пирамидок и раскладыванию разных тряпочек. Стоит признать, игрушек было предостаточно, намного больше, чем дома, но дома я и с простой бельевой при-щепкой мог играть часами. Тут же все копошатся, что-то делают, а мне заняться нечем.

Подойдя к столу, на котором мной были собраны и оставлены без присмотра все дере-вянные пирамидки, я начал их разбирать, чтобы бессмысленно собрать снова. Наверное, в тот раз я впервые решил убить время. Ко мне пристроился Вадик. Он захотел собрать только что разобранный паровоз, который собирали, нанизывая разные кругляшки и квадратики на палочку. Соображения ему явно не хватало, и я принялся помогать. Главной деталью явля-лась центральная палка, воткнутая в кабину машиниста, и, когда я её забрал, Вадик зашумел и стал её у меня выхватывать. Поначалу я молча отбивался, а затем хладнокровно сложил пальчики в кулак и врезал ему прямо в лицо!

Ну какая сила у мальшиа, которому ещё даже не читали книжечек? Не знаю! Но Вадик упал на пол с разбитым носом и зашёлся в крике.

Сразу набегали взрослые и директор – очень колоритная женщина (объёмом первой атомной бомбы в голодные годы социализма).

Директор вынесла вердикт: Вадика срочно к фельдшеру, а меня отвести в старшую группу: «Пусть попробует там драться!». И я за руку был препровождён в другую группу, где в это время читали сказку. Чтение вслух быстро успокоило и заинтересовало, до этого мир книг для меня был не познан или не оцутим.

После обеда нас положили спать на веранду, не знаю, как в других яслях, а в моих детей зимой и летом укладывали спать в спальнях мешках на неотапливаемую веранду. Спальные мешки застёгивались снаружи, и у ребёнка шансов самостоятельно расстегнуться не было. Иногда во время сна раздавался истошный рёв – это один из нас перевернулся и упал с кровати на пол. Если воспитатели слышали, то приходили быстро, чтобы вернуть упавшего на место и восстановить молчаливое спокойствие общего сна. Но бывало и так, что помощь приходила только непосредственно перед тем, как нас начинали будить.

Я проснулся от сильного толчка. Сон проходил не сразу. Сквозь приоткрытые глаза начала просачиваться реальность окружающего мира, которая распалась на коричневые плоскости: я лежал на полу веранды на правом боку. Пол длинными досками убежал от носа до стенки, она была огромной, от края до края, с трещинами по светлой поверхности. Нужно что-то делать – позвать, заплакав, или молча ждать, когда заметят и перенесут на кровать. Лежать в спальном мешке на боку было неудобно, тогда я перевернулся на спину. Полежав немного так, я принял первое своё осознанное решение – медленно, переворачиваясь с плеча на живот и по кругу, покатился по полу к своей кровати – это было недалеко. Затем, изгибаясь, встал на колени и, облокотившись о край кровати, перевалил своё тело на спальное место – и остался доволен, но, перекаптовав себя на кровать, оказался лежащим лицом вниз, что создавало полнейшее неудобство. Ширина кровати не позволяла произвести манёвр с переворотом, и я вновь, корчась, встал на колени, но тут мои глаза оказались на уровне подоконника, что также меня не устроило. Конечно, приобретённые навыки следовало развивать дальше – я встал на ноги и принялся смотреть в окно, за окном было серо и пасмурно, тополь качал голыми ветками, и мама ко мне никак не шла.

Стало тоскливо, я заплакал, жалея себя, маму и весь белый свет. К вечеру у меня поднялась температура, и меня срочно поместили в бокс-изолятор, где я, лёжа, дождался прихода моей мамочки. ...

Все мои поступки, которые я совершал вопреки устоям общества, всегда, если они были преданы огласке, беспощадно наказывались моей мамочкой. Но я всё равно её любил и всё равно совершал эти поступки. В тот день я наказан не был.

Первым моим участием в массовой драке была битва за пустырь, на котором решили построить Уралмашевский спортивный Манеж. Мы жили рядом, и этот кусок уральской земли считался закреплённым за нашим двором.

Начавшаяся тем летом стройка своими масштабами стала притягивать к себе мальчишек с других улиц, а это, по понятиям того времени, было недопустимо. Каждый двор имел свою территорию, и её следовало самозабвенно защищать. Дворовые ватаги подминали под себя слабо охраняемые территории, устанавливая на них собственный протекторат. Находиться в пределах этих республик чужим не полагалось, а уж если требовалось пройти, то отнюдь не по кратчайшему пути, а в обход – по улице.

Август 1968 года. Я, как всегда, бегаю возле взрослых мальчишек, мы собрались на наш пустырь, но там находится ватага чужих, и поэтому предстоит разборка и вполне возможно на кулаках.

Вдруг один из противников говорит: «А чё мы? Пусть малышня подерётся, и чей победит, того на сегодня и стройка».

С нашей стороны выставили меня. Я толком и не понял, что требовалось делать. Противником выдвинули парнишку чуть выше ростом. Это “чуть” могло быть старше на год или даже на два!

Нас обступили. Мы стояли в центре круга. Женька, предводитель нашего двора, ему лет тринадцать-пятнадцать, подтолкнул меня вперёд: «Давай, врежь!»

Я стал соображать, что такое “врежь!”

– Ну, давай, как я тебя учил! – подначил старший стоящего передо мной пацанёнка.

Тот сделал шаг, и я даже не понял, что произошло!

Удар был в солнечное сплетение – я задохнулся и упал. Женька подхватил меня за подмышки и принялся поднимать и опускать, чтобы я начал приседать. Дыхание от этой присядки быстро восстановилось.

– Ну что, **ваши сегодня не пляшут!** – сказал старший противной стороны.

Он стоял за довольным собой пацанёнком и гладил его по голове.

– **Базаров нет, гуляйте до завтра!** – сказал Женька. – А завтра, если вы придёте, хлестаться будем мы с тобой, понял?!

Атаман противника промолчал.

– Что ты, дурья башка, не врезал первый? Тебя что, Валерка драться не учит?

– Нет.

Валерка – это мой старший брат.

– Ты понимаешь, они у нас наше отобрали, а мы им даже фетиля вставить не можем.

Я медленно плёлся за всеми, досада брала за сердце, не цепляясь за ум.

Мы уже выходили со стройплощадки, когда я оглянулся и увидел, что мой противник одиноко стоит возле небольшого котлована. Взрыв негодования, щелчок обиды и прилив зла бросили вперёд – спотыкаясь и перепрыгивая кочки, я подбежал к нему и ударил в грудь, он подался вперёд, ещё удар в лицо – и тот, завопив, цепляясь за глинистый грунт, сполз на дно котлована. Чужие ринулись на помощь, но передо мной уже стояли наши!

Бой был короток – всех непрошенных загнали или свалили в эту канаву. Женька приказал и мы, спустив штаны, обоссали их сверху.

В драке не участвовал только один – мой брат – он старше на пять лет, и его поступки я не обсуждаю.

Драк в жизни было много и даже очень, но все они за моё правое дело. Просто так, на ровном месте махать кулаками я не умел и не умею, да и нет в этом надобности. Свою силу и доблесть я ощущал с раннего детства.

Если, затем детский сад – это время становления характера; школа и техникум – времяковки; а вот закалила его армия!

И, вероятно, именно по этой причине Бог посчитал, что меня не следует возвышать, и своё возмужание я должен пройти в армейском коллективе – среди изначально равных.

ПРИЗЫВ

Я не буду рассказывать, почему я не стал курсантом военного училища, а пошёл в армию – это тема другой книги.

Скажу просто: мне не дали возможности выбора, а просто зло и тупо забрали, чтоб отправить по усмотрению судьбы.

Согласно повестке, мне было предписано явиться на призывной пункт 17 апреля 1983 года, но коррективу внесла весна и Первое мая.

Я, раздражённый решением военкома любой ценой забрать меня в армию, решил подарить себе Первомай как бонус перед долгой службой. Отгуляв праздник Солидарности всех трудящихся мира, я явился в военкомат и выслушал первые нелестные слова первого своего командира.

Меня, вероятно, планировали в какую-то специальную команду, но я её задвинул. Военкому я стал неинтересен, и мою судьбу уже решал прапорщик. Прапорщика звали Александр, одно время он преподавал в нашем техникуме производственную практику, и мы с ним были дружны. Он симпатизировал мне, а я, в свою очередь, во время практики настраивал своих сокурсников на рабочий лад, конечно, в меру моих способностей. И надо ж такому случиться – в десантные войска я попал по благу. Смеётесь? Да в то время многие деньги платили, чтоб их сын имел возможность быть Десантом! Десантник – это всегда было, есть и будет круче Кручи.

И вот 7 мая в 9 ч. 00 мин. я в сопровождении поредевшей от призывов дворовой братвы пришёл на призывной пункт – ДК УЭТМ, в который шагнул гордым пацаном, а вышел сопливым призывником.

Унижение испытываешь сразу. Каким бы ты ни был гордым и независимым, но когда тебя раздевают догола и осматривают как пупсика, то состояние бравады проходит сразу. В смотровой комиссии в равном количестве присутствовали и мужчины, и женщины. Из-за смущения ты смотришь только перед собой. Рядом – такие же, как и ты.

Ощущение бесправия начинает накатывать быстро и неумолимо. У тебя забрали паспорт, проверили все твои вещи и, не дав тебе даже в последний раз прикоснуться рукой к родным, по оцепленной солдатами дорожке препроводили в автобус: «Хоть бы ещё раз дотронуться до матери, прижаться к подруге, обнять отца, пожать руку друга. Нет, ты уже не их: тебя отобрали, выкорчевали и угнали!»

Когда мы оказались в автобусах, наши родственники и друзья, возмущённые тем, что не дали в последний раз попрощаться, стали их раскачивать, а милицейский узик чуть совсем не перевернули. Пока происходила эта суматоха, через окна производились последние рукопожатия и передача заготовленных, но не проверенных комиссией провиантов и запасов.

До сборного пункта в Егоршино путь не близок. По мере движения к нашим двум автобусам прибавилось ещё восемь. В то утро из города вывезли примерно пятьсот-шестьсот потенциальных защитников Отечества.

Благодаря умению призывников и напористой смекалке провожающих в нашем автобусе оказалось несколько бутылок вина и водки, что тут же разделило коллектив на неравные части. Инициативные, не гнушаясь знакомством, быстро сгруппировались на задних сидениях, отеснив испуганных молчунов к середине и на передок.

Сопровождающий нас прапорщик здоровьем явно не блистал – вечерняя, а может, и ночная подготовка к утреннему призывному мероприятию выходила из него паром и выхлопом. Случайно влетевшие мухи бились о стёкла и лезли в щели, чтоб только не ехать с ним в одном салоне. Он разместился на первом сидении и тупо смотрел вперёд, и лишь иногда его рука поднималась, чтоб платком протереть затылок и осушить лицо.

Мы же такие все одинаковые уже сейчас разделились на две команды.

Первые – brave, уверенные, говорливые – скучковались на задних сиденьях, куда потянулся весь общий харч и горячительные напитки.

Вторые – молчаливые, скованные и пугливые, которых было большинство – сидели, замерев в ожидании чего-то. Интересно было к ним обращаться.

– Эй, ты! – Все Вторые замирали, выпрямив спины, и, как коровы на лугу, начинали смотреть в одну сторону – в сторону прапорщика.

– Ну, ты, в серой куртке! – Вторые, слегка поворачиваясь в сторону прохода, глазами начинали искать обладателя такой куртки.

В то время было принято уходить в армию в телогрейке, чтобы не было жалко с ней расстаться, но были и интеллигенты в серых болоньевых куртках.

– Серёга, ткни перед собой! – Это обращение к одному из Вторых.

Имена людям нужны для избирательного общения, вот мы их и начали запоминать.

Мы, Первые, перезнакомились почти сразу, как только автобус покинул пределы нашего городского района. И пока мы перегруппировывались в пространстве автобуса, Вторые, ватными болванчиками, предавались грустному рассматриванию окрестных пейзажей, бежавших вдоль дороги. После первых глотков из горла за окном выглянуло солнышко, и автобус поехал ровней, не обращая внимания на тогдашнюю ущербность социалистических дорог.

Первая бутылка выгнала грусть, вторая очистила горизонты сознания, а третья, убив дискомфорт, превратила наш переезд в увеселительную прогулку.

Серёга ткнул ладонью в спину впереди сидевшего и замер, как взведённый курок, готовый в любой момент произвести поступательное движение. Обладатель серой куртки в очках из металлической оправы в два приёма, как робот, повернулся к нам. Правда, сделал он это как-то не до конца, а так, чтобы смотреть и в нашу сторону, и не упускать из виду автобусного прапорщика. Я и не предполагал, что возможно одновременно развернуться в две противоположные стороны.

Для меня начиналась новая жизнь – жизнь познания человека индивидуального.

– Как там тебя? Колбаса есть?

– Нет! – голосом пионера ответил будущий защитник Отечества.

– А что есть?!

– Два бутерброда, пряники, сушки и немного конфет, – отрапортовал юный ленинец.

– Ну, кинь что-нибудь на стол! Ты – нам, мы – вам.

Команды, не перебивая друг друга, сыпались от Первых по очереди. Ранжира в том коротком знакомстве ещё не было, и поэтому все Первые друг к другу относились с уважением.

Очкарик, не опуская головы, нервно зашарил по сумке, его тело немного склонилось в сторону прапорщика и как бы просило о помощи. Но тот только громко выдохнул и в очередной раз протёр лицо. Обладателю серой куртки стало понятно, что повторения поступка Павлика Морозова в данной ситуации не состоится. Нервно двигая затылком, он опустил голову и начал осознанный отбор съестного для поставки на стол Первых. Но так как его действия имели затяжной характер, Серёге было велено взять его сумку и передать её к нам на досмотр. Выполнив вменённое ему указание, он снова привёл себя в состояние боевой готовности.

– **Ничего себе**, два бутерброда!!! – Я выгащил из холщовой котомки палку сервелата и кольцо копчёной колбасы, два батона белого хлеба и кусок сыра весом под кило. Остальное содержимое было уже неинтересно.

– Ты че, жмодяра?! ... – разногласо взорвался стол.

У Вторых появился интерес, они стали поворачиваться и даже, осмелев, привставать со своих сидений.

– Нет, меня собирала мама, я и не знаю, что она туда запихнула, – потеряв голос, пролепетал очкарик.

У него затряслась нижняя губа, очки вспотели, он всем телом повернулся в сторону прапорщика, но с той стороны на него осуждающе смотрели Вторые. Их взгляда он не перенёс, и, чтобы хоть как-то стереть себя из этой сцены, обмяк, ссутулился и уткнулся в окно лбом. Он молча заплакал, выдувая на стекло пар, который проступил росой вокруг его головы, и в нашем обществе появился Третий.

– Дурак! Щаз приедем, нас всё заставят сожрать! А всё, что не खाваем, выкинуть! – сказал один из Первых, который был явно подкован и действовал в рамках своих твёрдых знаний.

По сути, он в нашем временном коллективе стал дирижёром и, честно говоря, было удобно быть Первым, равным и приближенным к человеку, знающему наперёд всё.

Когда все припасы Вторых были разделены, чтоб лучшей частью вскормить Первых, из Вторых к нам присоединились двое, добавив на стол каждый от себя ещё по одной бутылке водки. **НУ ЧТО ЗА НАРОД? НЕЛЬЗЯ, НЕТ, А МЫ ВСЁ РАВНО, ПОЖАЛУЙСТА.** Откуда?! Умом Россию не понять. Выделившись из Вторых, они не стали равными нам, но для остальных перешли к Первым.

Беседа лилась своим чередом – я молчал и больше слушал. Дирижёр рассказывал, как вести себя на пункте сбора. Он знал всё: весь распорядок и все действия. Первые разрабатывали план, чтоб нести службу прикольно, вместе, одним строем.

Дорога не кончалась, мы покуривали прямо в автобусе, водитель, подглядывая в зеркало заднего вида, ставил бровки домиком, но молчал. Ему по-отцовски было нас жаль, и весь наш кавардак он расценивал как «Пусть дитяти напоследок потешатся!».

Первые уже давно перепрессовали Вторых на другие места, а на освободившемся сиденье накрыли стол. Сами мы сидели вокруг него, а кто не мог дотянуться, тому передавали.

– Командир, а нам поссать-то дадут?! – спросил я развязным тоном.

Прапорщик словно ожидал команды – он резко поднялся со своего места и быстро прошёл в нашу сторону.

Придерживаясь за верхний поручень, он принагнулся над столом и, протянув руку, подхватил открытую полбутылку, затем, как горнист, приставив горлышко к губам, вознёс её в приветственном порыве к потолку и замер, вливая в себя содержимое. Наш восторг, не подтверждённый аплодисментами, он принял как должное и, взяв со стола кусок отломленного хлеба, нюхнул его, скомкал и зажевал. Оглядев нас и ещё раз посмотрев на стол, он невозмутимо вернулся на место.

Мы аж привстали, а Вторые же, видимо, питавшие надежду на справедливость, словно растворились. И только Третий сидел, не меняя позы, уткнувшись в стекло, которое от слёз и дыхания покрылось сопливой слизью.

– Если вы **такие кентовые**, можете ссать в сапог, а остановки, чтоб вас потом ловить по полям и лесам, не будет, – сказал прапорщик и затих, прикрыв глаза.

Он потом ещё один раз подошёл и выпил, но в этот раз его жажда была умеренней, зато аппетит – волчий: пришлось даже пополнить стол за счёт второй колонны.

– Всё! Сворачивайтесь, подъезжаем! – произнёс он, возвращаясь на место.

Больше мы его никогда не слышали. По приезде он передал нас и запечатанный пакет какому-то капитану и вернулся в автобус. Я его запомнил – он первый мой военачальник, который отвечал за меня, и которому я был обязан вверить свою жизнь для свершения ратных подвигов. Именно он позволил нам окунуться в первый в нашей жизни недетский коллектив, образовавшийся в короткое время по законам живой природы.

ЕГОРШИНО

Станция Егоршино – это пункт комплектования и отправки команд призывников на просторы нашей огромной Родины. Он и сейчас не утратил своего предназначения, только география призывников уменьшилась до Центрального военного округа. Впрочем, наши боевые подразделения в Таджикистане также комплектуются отсюда.

Особой ностальгии по пункту нашего сбора нет. Три с половиной дня, изменившие жизнь окончательно, безжалостно втолкнули меня в начало армейской действительности.

Разум не приемлет, но события, произошедшие не только со мной, требуют своих откровений.

Дорога для нашего автобуса закончилась как-то очень резко. Началось бездорожье, и он, превратившись в катер, начал рассекать попадающиеся водные преграды, как крейсерская лодка. Водитель вёл машину с напором, понимая, что остановка в центре лужного озера чревата окончательным потоплением нашего корабля. Выбираясь из лужи, нашему автобусу приходилось с разбега карабкаться на какой-нибудь пригорок, с которого мы вновь сползали в грязевую жижу.

– **Чёрный** папуас, шас точно встрянем! Я в лужу **ни за что** не полезу, пусть вытаскивает ваш призывной начальник, – подал голос водитель.

Лицо его сосредоточилось, губы напряглись, а слова он произносил так, словно у него на спине лежал мешок с песком кило на сто. Весь он подался вперёд и каждый раз, когда машине требовалось усилие, подталкивал её, упиравшись тощим животом в руль.

– Ну, давай, ласточка! – цедил он сквозь зубы, когда мы въезжали в очередную лужу. – Я, **однако**, прошлым призывом встал вот в **этой**, четыре часа куковал, пока пригнали трактор, а когда цеплял её (вероятно, “Ласточку”), простыл так, что чуть богу душу не отдал! – сетовал водитель, обращаясь к прапорщику.

Сам прапорщик молчал, но телом тоже подталкивал машину, приближая миг нашего с ним расставания.

Амфибия под названием “Ласточка” выехала на площадь. Это была не городская площадь, а обычный сельский сход. Просто улица расширилась, и образовалось неровное круговое пространство, куда мелкими ручейками стекались несколько переулков и лужа – знаменитая гоголевская лужа, которую неоднократно и с любовью описывал гений. Мне за ним не угнаться, поэтому я повторяться не буду. Когда наш баркас проплывал по краю этой водной глади, из переулка показался мужик. Он неуверенной походкой дошёл до конца переулка, а дальше только кромка суши вокруг огромной лужи, густые заросли кустарника и крапивы, охраняющие границы ветхих заборов.

Мужик из переулка словно выпал. Шаг назад идти ему помогал редкий штакетник расшатанных заборов, охранявших пределы частной собственности, а тут вдруг ничего, ну просто ничего, одним словом – засада. Ему без поддержки забора удержаться на ногах было просто невозможно. Он попробовал встать, чтобы двинуться вдоль кромки, но попытка не увенчалась успехом, и он, оказавшись в очередной раз на коленях, поднял голову и посмотрел вдаль – через лужу, пересекая которую, осторожно шаря колёсами по дну, проплывала наша “Ласточка”. Взгляд его заметался, требуя развеять наваждение. Я посмотрел на другую сторону площади и увидел гостеприимно распахнутую дверь сельмага, которую скрыл наш автобус.

Сам магазин и все сооружения в этом населённом пункте были построены потомками архитекторов из города Пиза. Стиль их полностью сохранял архитектурные традиции известной башни, но некоторые пошли ещё дальше и, дабы превзойти своих учителей, добились такого наклона стен, что подпирали их для целостности конструкций жердями.

По ходу движения автобуса я продолжал следить за этим странником. Он, безвольно опустив голову, принял позу молящегося мусульманина до момента земного поклона и, слегка качаясь из стороны в сторону, ловил равновесие своего тела. Вдруг его тело напряглось и замерло, голова медленно поднялась, и взгляд устремился вдаль. На одно мгновение наши глаза встретились, и я увидел в них беспредельную тоску. Доля секунды – и его взгляд потух, голова безвольно опустилась. Он медленно поднял руку над головой и резко рванул её вниз, словно хотел сказать: «А, ну и пусть!», качнулся и обречённо пополз вперёд на четвереньках.

Наш корабль уже выбрасывался на мель, когда герой вполз в лужу по локоть. Смог ли он преодолеть преграду или нет, не знаю, площадь закончилась, и мы снова въехали в улицу.

ПРИЕХАЛИ

Сборный пункт находился где-то на окраине. Нас подвезли к воротам и выгрузили. Мы встали двумя обособленными кучками. Первые делали безразличный вид бывалых и курили, Вторые жались к центру своего сообщества на расстоянии вытянутой друг от друга руки. Третий стоял, опустив голову, и старался краем своей рубашки протереть очки, из его кармана торчал мятый мокрый носовой платок. Прапорщик зажал пакет с нашими документами между коленок и принялся оправлять китель, который опоясывала новая португепя с ремнём через плечо. Вдруг прозвучала команда: – Старшие машин, ко мне! – Возле ворот стоял невысокий капитан.

На португепе, опоясавшей его китель, висела пистолетная кобура, из которой хвостиком свисал и через дренчик крепился узкий кожаный шнурок, а красная повязка на руке гласила: «Дежурный по сборному пункту».

– Смотри! – Толкнул меня плечом Дирижёр. – Не хухры тебе мухры! Вишь, с пистолетом ходит! А шнурок для того, чтобы у него его **не уворовали**.

Наш прапорщик медленно закончил приводить себя в порядок и небыстрым шагом подошёл к этому капитану. Точно так же, не проявляя излишней активности, к нему подтянулись и другие старшие машин. Каждый из них был индивидуален как в звании, так и в своей принадлежности к родам войск.

Из ворот вышли сержанты разных мастей и неровным строем замерли, глядя на нас усталым взглядом. Ими командовал бравый десантник в звании старшины. Конечно, он был красавец: парадный китель притален и укорочен, вместо рубашки – тельняшка, а на голове – лихо посаженный голубой берет с кокардой и маленьким уголком, изображающим развевающееся знамя. Два ряда значков украшали его нехилую грудь, а начищенные до блеска сапоги имели необычную для того времени, до середины голенища, шнуровку.

Блин! Это одновременно было и красиво, и круто! Все же остальные младшие командиры выглядели как-то очень уж младшими.

Старшие машин, передав пакеты, вернулись к своим группам призывников. Наш прапорщик подошёл к Дирижёру и, молча протянув руку, взялся за ручку котомки Третьего, в которую мы запихнули нужные остатки со стола и две початые бутылки водки: «Вам, сынок, теперь это долго не пригодится, а мы за ваше здоровье и благополучную службу...» – он не договорил. Дирижёр сразу сдулся, его рука, державшая сумку, вдруг затряслась, и он её отпустил.

Я посмотрел вдоль колонны автобусов. Не все, но многие старшие несли в руках подобные котомки. Сопровождавшие нас официальные лица сгруппировались в один автобус, окна которого быстро покрылись испариной. Колонна автобусов сделала разворот перед воротами части и двинулась назад, увозя нашего прапорщика, а с ним – наши детство, юность, молодость.

В моей памяти он – словно Харон, перевозивший через Стикс души безвозвратно ушедших людей.

– Подойди сюда, – сказал капитан, обращаясь к старшине-десантнику.

Десантник, чуть подав тело вперёд, красивым, чётким, почти строевым шагом подошёл к капитану и без подбострастия отдал честь.

Я буквально влюбился в него. Мысленно примерив его форму, чуть поправив значки и круче запрокинув берет, я посмотрел на себя со стороны – это то, что надо, все бабы мои, и возраст их мне не помеха!

Капитан негромким голосом отдал приказание. Сержант, приняв стойку смирно, отдал честь и повернулся на пол-оборота в сторону строя сержантов. Затем сделал три строевых шага, после чего его тело обмякло, и он, слегка пришаркивая каблуками своих новомодных сапог, подошёл к своим подчинённым.

– Равняйся, смирно! – Всё вдруг изменилось, в мгновение ока перед нами стоял действительный строй солдат, готовый выполнить любое боевое задание, и цвет погон перестал иметь значение. Решимость прошла каждый их взгляд, каждое лицо изображало уверенность в правильности выполняемой ими задачи.

Такая метаморфоза преобразила и нас. Мы начали выпрямляться и, как загипнотизированные, стали принимать форму более-менее правильного строя. В яслях на прогулку нас выводили в колонну по одному, в детском саду мы шагали парами, в школе нас научили ещё более сложному построению. И наконец, почти каждый из прибывших прошёл начальный курс военной подготовки, которая, пусть ненастойчиво, но всё же преподносила приёмы построения и перемещения.

Испокон веков главный принцип воспитания молодых воинов – личный пример старших ратников. И именно он подцепил нас своей незаметной когтистой лапой и поставил в строй. Внутреннее сопротивление иссякло, и в строю уже не стало ни Первых, ни Вторых – был боевой строй, пусть пока и ополченцев, но уже строй!

Старшина дал чёткий приказ разделиться по три человека и приступить к формированию подразделений. Недалеко от ворот находилась беседка, куда и переместился капитан. Закурив, он начал просматривать переданные ему бумаги и сверять их с какими-то списками. Их ему принёс весь помятый солдатик, одетый в форму с чужого плеча – повседневный китель измят и велик, штаны отвисали так, что в них можно было воткнуть ещё одного такого же, а вся форма выгоревшая, почти песочного цвета. От ворот до капитана он шёл по ломаной траектории, которую корректировала не местность, а аура расходившихся сержантов. Они, не обращая ни на кого внимания, разбились по трое и двинулись в сторону бесхозно стоящих кучек прибывших ополченцев. Он же словно ловил их инфракрасные волны и старался двигаться так, чтобы не обжечься. Самое большое излучение истекало от сержанта в красных погонах – тот мельком взглянул на него, и он чуть не рухнул, но всё же удержался, проявив трепет и выдавив на лицо пот.

Невольно заметив это, я примерился – сержантик казался замухрышкой, и если б он попробовал со мной втянуться в суету², то однозначно получил бы пинок под зад.

Зато возле капитана солдатик стоял так, как уставший путник возле печки в зимнюю стужу, разве что не протягивал руки, чтоб их согреть.

Если других новобранцев сгонять в стада принялись по три пастуха, то к нам подошёл мной глубокоуважаемый Десантник в звании старшины:

– Так, слушаем меня внимательно, и если кто будет правильно и вовремя выполнять данные мной указания, то тому останется его цветущий вид и ровное, а главное, здоровое дыхание! – Старшина стоял прямо, руки его свободно свисали вдоль тела, сам он слегка покачивался на пяточках своих новеньких сапог. – Сначала мы сделаем следующее: каждый снимает свой бушлат и кладёт перед собой, под ноги; затем высыпает содержимое вещмешка и распределяет на две кучи – съестное и нет! Ясно?!

В ответ послышалось невнятное мычание, и только я ответил с задором: «Так точно!»

– Вот! Учитесь правильно отвечать! Любое Тело в армии имеет голос, а голосом надо уметь пользоваться. Вот как, например, у... – Он быстро подошёл ко мне и, поставив меня сбоку, приобнял и слегка прижал. – Как тебя?

– Гриша, – ответил я, чуть повысив голос.

– Телу не следует иметь имя, достаточно фамилии. Как тебя зовут!?

– Куделин.

² Втянуться в суету – незапланированная, навязанная кем-то тебе драка. Обычно в городах драки редко бывают спонтанными, как правило их объявляют, как дуэль, а вот неожиданная и есть суета!

– Вот уже почти правильно, но ваше тело имеет общее название. И это название – Призывник, ясно?!

– Так точно, Призывник Куделин, – я словно включился в игру и мне нравилось, что со мной играет такой остроумный и сильный противник, вернее не противник, а наставник, ну, в общем...

– Молодец, далеко пойдёшь, куда приписан? – он меня ещё раз приобнял и отпустил.

– В десант, – гордо сказал я.

– Приписан – не взят, будешь не дурак, станешь одним из нас. – Он отступил в сторону, крепко взял меня за предплечье и сильно сжал. Я почувствовал железную хватку бесстрашного воина. Через это сжатие часть силы перелилась ко мне и полностью меня ему подчинила.

– Так, Тела, почему не копошимся, чего ждём?! – Старшина вышел из нашей отары и резко повернулся к нам лицом.

Все замельтешили, выполняя первый в своей жизни приказ! Каждый старался сделать это как можно быстрее. Я выполнил задание первым, так как всё своё пропитание я метнул на стол без остатка и разделять вещи, развязывать пакетики и разворачивать газетки мне не пришлось. В моём рюкзаке разместились: пара носков, полотенце, бритвенный станок с пачкой лезвий, зубная щётка и паста, отдельно в пакете лежало десять пачек Ташкентской Примы. Я выпрямился и посмотрел на другие отары – казалось, что скорость их копошения зависела от цвета погон управляющих ими сержантов. И если в нашем стаде движения были почти что размеренны, то в стаде черных погон мельтешение было сродни панике.

– А ты, орган, чего землю сопливишь? – Это мой кумир обратил своё внимание на Третьего.

Тот уже не плакал, а только, как истукан, смотрел в одну точку. Старшина пробрался сквозь минные заграждения наших развалов и положил ему руку на плечо.

– Что загрустил, братишка?! – приободрил он. – По ходу дела ты потерял свой сидор?

– Нет. – Третий, всхлипнув, качнул головой в мою сторону, и вновь решил повторить подвиг Павлика Морозова. – Они отобрали!

Старшина сделал строгое лицо и, посмотрев на меня, спросил: «Он?!»

Третий кивнул, но так как старшина смотрел на меня, ему пришлось утвердительно что-то пробормотать.

– Хватит жевать сопли! Я тебя чётко спросил!!! Он?! – Старшина выпрямился по стойке смирно и даже телом чуть подался в сторону Третьего.

– Так точно! – У нашего юного ленинца появился голос, и он даже начал распрямляться, принимая несгибаемую позу Пионера-Героя.

– Призывник Куделин, ко мне!

Я прошёл несколько шагов и встал перед ним.

– Объясни!

Я, не вдаваясь в подробности, объяснил, что почём, и замолчал. Многие разборки в моей дворовой жизни требовали краткости и конкретности – рассказ мой был краток и прост, как те понятия, по которым всё это и произошло.

– Так, тела, прошу внимания! Пока вы под крылом десантных войск, вы – одна семья! И пока мы все вместе – вместе с нами все наши радости, горе и трудности. Ясно?!

Каждый выразил своё согласие, но в нём единства не чувствовалось.

– Не понял?! Повторяю для особо тупых! Ясно?! – Он повысил голос, и это подействовало устрашающе.

– Так точно! – в один голос проблеяло наше стадо.

Старшина поморщился, но продолжил: “А раз вы все это приняли на веру, то давайте поделимся с нашим товарищем”.

Он посмотрел на меня и ткнул указательным пальцем в грудь: “Отдашь свой сидор и полотенце, а остальные... – его голос напрягся, приняв силу полкового командира, – поделаются всем своим провиантом напополам!”

Душой я его решения не принял, но из чувства личной предосторожности не стал спорить и решил пока подчиниться, тем более очкарику уже никуда от меня не скрыться. Я двумя пальцами взял своё полотенце, на мизинец нанизал лямку рюкзака, потом принёс это к сияющему, как солнце, Третьему и с деланой сдержанностью положил всё перед ним. Когда я нёс уже не моё барахло, из полотенца выскользнуло ещё одно, поменьше, которое я на обратной дороге подобрал и вернул себе на телогрейку. К нашему Герою потянулась вереница данников – потоком их подношений управлял сам старшина. В конце концов, на бывшем моём рюкзаке образовалась внушительная горка съестных припасов, пара носков, зубная щётка, два тюбика зубной пасты и даже бритва.

– Ты, парнишка, не обижайся, в солдатском коллективе можно жить, если со всеми правильно дружить. А это тебе от меня, – и старшина достал маленький перочинный ножик с несколькими лезвиями, – пользуйся.

В это время к нашему стаду со стороны посёлка, воровато поглядывая на дежурного офицера, подошли ещё трое десантников: два сержанта и один ефрейтор. Сержанты, так же, как и старшина, выглядели молодцевато, а вот ефрейтор явно до них не дотягивал. Вроде всё то же самое, но как-то слишком он был прост и зависим от своих младших командиров-начальников. И форма на нём не совсем подогнана, и берет без уголка, без шика.

– Так, сейчас мы проведём маленькую тренировку, а затем у нас будет обед. Ясно?!

– Так точно! – Мы начали уже привыкать отвечать на вопросы.

Старшина повернулся к одному из сержантов и сказал:

– Сержант Трофимов (пауза), к первой строевой подготовке приступить!

Один из доблестных сержантов вышел перед нами по фронту и, подняв руку вбок на уровне плеча, скомандовал:

– Взвод! (пауза) В шеренгу! (пауза) По росту (пауза) стройся!!!

Все ринулись под его руку, чтобы, примериваясь друг к другу, выстроиться в шеренгу по ранжиру³. Суета была, но разобрались, как мне казалось, мы быстро. Но наши наставники были явно другого мнения, и после объяснения команды «разойдись» проделали с нами несколько повторяющихся построений. В результате через десять минут мы сносно и быстро научились вставать в строй и резво из него выходить. Мы перестали быть отарой, и нас можно было уже называть взводом, а наши пастухи усилием своей воли повысили себя до звания командиров.

Из ворот стали выходить офицеры разных родов войск – каждый был одет индивидуально: кто в сапогах, кто в ботинках, кто в кителе и в портупее, кто в рубашке, капитан морской пехоты – в чёрном костюме морпеха-десантника. Вышли даже два морских офицера. Все проследовали в беседку и расселись на скамейке, которая была сделана по внутреннему кругу её ограды. Они курили, вели общие беседы, смеялись, не обращая на нас никакого внимания, словно мы для них были частью живой природы. Но появление офицеров преобразило наших сержантов. Движения их стали чёткими, энергосберегающими, они словно подросли и стали шире в плечах.

– Так, построиться в шеренгу и предоставить свои личные вещи к осмотру! – скомандовал старшина, и мы быстро принялись выполнять его приказания.

Через полминуты стоял строй разнопёрых призывников, перед которыми на куртках и телогрейках лежал их скарб. При переноске с места на место кучки перемешались, и нам дали время поправить расположение вещей. Затем перед нами проследовал строй из ефрейтора и сержантов. Ефрейтор, нагибаясь, брал сумку или рюкзак в руку, чтобы убедиться в наличии в

³ Ранжир – построение в шеренге по росту.

них пустоты, затем перемещался в сторону следующего призывника. Проверка выявила присутствие некоторых забытых вещей внутри бездонных сидоров. В основном это были шоколадные конфеты, но попадалась и более приземлённая пища – варёное мясо, куски курицы и несколько бутылок водки и вина. Все пищевые продукты из загашников молча перемещались в пакет первого сержанта, а водка, вино и все средства гигиены, содержащие или могущие содержать спирт, перемещались в пакет другого сержанта. Всё происходило молча, но по появлении из очередной чёрной дыры спиртного Первые выказывали своё возмущение всевозможными криканными, выдохами и присвистыванием, а Вторые, у которых всё это скрывалось, в оправдание разводили руками, но с них никто объяснений не требовал. Кроме того, часть бутылок с автобусного стола также была вытащена на свет, так как убирая за собой, их резонно распахали по своим котомкам Первые.

По окончании проверки вдоль строя прошёлся старшина. Он показывал на теоретически опасную вещь, призывник поднимал её и клал в пакет ефрейтора. Таким образом, в нашем распоряжении оставались только еда, ложки, полотенца, носки, трусы и личные умывальные принадлежности. Всё остальное подлежало утилизации, часть заботы о которой приняли на себя сержанты.

И только Третьему была предоставлена привилегия в виде маленького перочинного ножика.

– Теперь, товарищи призывники, у вас есть время пообедать, располагайтесь поудобней прямо здесь и начинайте. Через полчаса на ваших столах еды не должно остаться ни крошки. Ясно? – произнёс старшина.

Сам он и его подчинённые скромно отошли в сторону и образовали круг, внутри которого стояло пять увесистых пакетов. Они так и простояли первые пять минут из тридцати, отведённых нам на обед. Мы же снова распались на Первых и Вторых. Первые отошли в сторону и, найдя клочок травы, устроили пикник на обочине. Вторые тоже кучканулись, но недружно и не более чем по трое. Те Вторые, которые хотели примазаться к Первым, но остались Вторыми, как-то невзначай оказались рядом с Третьим, но с ним не скооперировались. Когда Дирижёр начал удовлетворённо напоминать, что он нас об этом всё предупредил, подошёл старшина, присел на корточки и положил на стол бутылку вина.

– На, мужики, вам от нас, только, братки, сами не засветитесь и нас не палите.

Дирижёр быстро подхватил бутылку, подтянув её к животу.

– А как открыть-то? – На бутылке была пластмассовая пробка.

– На. – Старшина выхватил из нагрудного кармана ножик-бабочку и лёгким движением одной кисти умело его открыл.

Движения его руки были настолько быстры и безукоризненны, что у меня перехватило дух. Дирижёр взял протянутый нож и также виртуозно, в два приёма, открыл бутылку. Теперь была очередь удивляться старшине. Я прикрывал стол своей спиной, Дирижёр разливал содержимое бутылки в единственную кружку, которая быстрым шагом прошла по кругу. Старшина пить не стал, поднялся и, спрятав свой привлекательный нож в карман, подошёл к Третьему.

Третий же снял куртку и сел на неё, подобрав под себя по-восточному ножки. Перед ним находилась его индивидуальная гора жратвы, над которой он возвышался, как шах, – лицо властителя было просветлённым, а челюсти, ритмично работая, тщательно пережёвывали пищу. Периодически, подавшись чуть вперёд, он выбирал лакомый кусочек, тщательно осматривал его и аккуратно клал в рот.

– Ты чего выбираешь? Прошло пять минут, а ты ещё ничего не съел! Так в армии и с голоду помереть можно. Давай-ка, друг, я тебе помогу, начнём отсюда. – Старшина серьёзным голосом наставлял Третьего. Сам он присел возле него и начал подавать всё, что попадало под руку.

К ним медленно подтянулись два наших сержанта, ефрейтор остался на месте. Мы внимательно стали следить за их действиями. Старшина и сержанты разговаривали с Третьим громко и нарочито ласково. Все слышали их реплики – диалога у них не получалось, так как основной участник вынужден был перемалывать пищу, как мясорубка мясо перед Новым годом.

- Ты, братишка, ешь, ешь, не стесняйся.
- До завтрака кормить не будут.
- Мы б тебе помогли б, но у нас скоро обед, а обед солдат обязан съесть сам.
- У тебя вон сколько на обед, ты, дружок, старайся.
- Тебе повезло, у других ни хрена нет, а тебе вон сколько привалило!
- Ты, братишка, ешь, ешь, не стесняйся...

Каждая реплика подкреплялась какой-нибудь снедью, которая направлялась ему прямо в рот. Задача Третьего заключалась лишь в благодарном перемалывании пищи.

– Видишь, как твои товарищи о тебе позаботились: не пожалели самого вкусного и жирного.

– Что, запить? Сейчас запьёшь! Федулов, дай-ка нам компотика, запить. – Ефрейтор покопался в одном из пакетов и, воровато прикрываясь от офицеров спиной, принёс бутылку вина.

– Ну-ка оформи. – Старшина посмотрел на Дирижёра, тот резко подскочил, и в мгновение ока бутылка была открыта.

– Куделин, подай-ка кружку, а то нехорошо, дали всё, а снаряд забыли. – Старшина откинул руку в мою сторону, словно хотел дотянуться через стол. – Ты не стесняйся, я с тобой как с другом выпью, – успокоил он Третьего и подставил поданную кружку Дирижёру.

Тот быстро налил до краёв и присел рядом с одним из сержантов. Я тоже решил остаться на представлении до конца. В образовавшемся вокруг Третьего круге было ещё одно место, туда я и пристроился, но так как от сидения на корточках у меня быстро устают ноги, то я присел на коленки и стал, как из партера, наблюдать за этой трагикомедией. Старшина немного пригубил из кружки и поднёс её ко рту Мясорубки. Мясорубка молча покачал головой, как бы говоря: «Большое спасибо, но я не очень хочу пить».

– Что ты, не стесняйся, мне приятно тебе помочь! – произнёс старшина, словно он вот сейчас ослеп и оглох.

Мясорубка приоткрыл своё переполненное впихное отверстие, и Глухой принялся медленно, чтоб не выплеснуть через край, вливать “компот”. По мере наполнения Мясорубки живительной влагой в отверстия стали образовываться проталины, и в скором времени горловина вновь опустела. И сразу же услужливые руки продолжили подавать новые деликатесы, но как только производительность Мясорубки падала, в неё вновь по глоткам вливали средство для смазывания шестерёнок. В результате на не моём уже рюкзаке осталось незначительное количество еды, а когда у Мясорубки на очередной протянутый в его сторону кусок начались рвотные конвульсии, старшина отвёл руку дающего в сторону и произнёс: «Ну, ты не видишь, что человек не может! Вообще, что вы на него навалились?!».

– Так мы ж, товарищ старшина, к нему от чистого сердца, видите, его хулиганы обидели, заставили насильно делиться, а мы что? Мы ничего! Мы у них отобрали и ему всё сполна вернули!

- Если вдруг его не к нам распределят, то кто за него заступится?!
- Вот мы и помогли ему всё это спрятать, чтоб больше на его родное никто не зарился!
- Ладно, я вас понял, вы всё сделали правильно по чести солдата. Ты тут у себя приберись, а мы уж пойдём, покомандуем. – Наши командиры встали, за ними поднялись и мы.

Лица временных начальников отливали озорным задором, глаза сияли шалостью, которая удалась. Я получил полное удовлетворение, Третий – справедливое возмездие, а все мы – правильное учение. Проще говоря: «Один будешь жрать – подавишься!».

– Так, все, слушай мою команду. Посмотрите направо. Видите контейнер?! – Только что такой свойский старшина снова превратился в командира. – Остатки пищи выбросить в контейнер, оставшиеся вещи собрать в ваши котомки. Перекур пять минут и подготовиться к построению.

Когда мы курили и бурно обсуждали произошедшее событие, я увидел одиноко лежащий на земле мой бывший рюкзак, на котором красовались остатки недоеденной пищи, а рядом бесхозно лежала серая замятая куртка. Мой взгляд заметался по нашей толпе, затем я перекинул его на другие подразделения. Третьего нигде не было. Я подошёл к старшине и доложил.

– Товарищ старшина, очкарик пропал.

– Ты плохо знаешь своих товарищей, – подзадорил он.

– Почему?!

– Потому что доблестный и добросовестный солдат всегда выполняет приказания своего командира. – Смех сержантов поднялся над нашей поляной и полетел в разные стороны. – Ему было приказано избавиться от лишних остатков пищи, вот он от них и избавляется. – Смех усилился, а старшина, взяв меня своей сильной рукой, повернул в сторону контейнера. – Видишь, дорогой, вон то говно, а говну должно быть где? В параше! Я вижу, тебе быть сержантом. Учись управлять не рассуждая.

Я посмотрел в сторону контейнера, там, стоя на четвереньках, блевал наш Третий, он не мог стоять на ногах. Он просто блевал и блевал прямо под себя, орошая свои руки брызгами непереваренной пищи. Я подошёл к моему рюкзаку, нагнулся, аккуратно взял его. Остатки стола и хозяйственные принадлежности я пересыпал на лежащую рядом куртку. Рюкзак я бросил, и он, как раненая бабочка, приземлился возле моей телогрейки, все свои принадлежности я положу потом, а сейчас...

Я нагнулся, взяв полотенце, и решительной походкой пошёл к очкарику. Присел возле него и положил ему на спину ладонь. Он перестал блевать, но тело ещё продолжало сокращаться, правда, эти сокращения затухали. К нам подошёл один из несостоявшихся Первых, отвергнутый Вторыми, опустился на корточки и положил свою руку рядом с моей ладонью. Во второй он держал литровую стеклянную, из-под молока, бутылку, заполненную на три четверти водой. Я молча протянул полотенце, и он стал его аккуратно напивать водой. Очкарик уже перестал корчиться, а лишь иногда икал – спина его обмякла, живот провис. Мой напарник аккуратно снял с него очки и протёр лицо и губы. Я привстал и, обхватив с боков, поднял потерпевшего на ноги, тот был ватным, и чтобы поставить его в вертикальное положение, потребовалось определённое усилие. Наконец, мне удалось зафиксировать его на ногах – он стоял, вытянув перед собой руки, по которым в областях больших пальцев сползали остатки извержения. Я взглядом попросил Второго придержать его, взял мокрое полотенце, развернул и вытер руки несчастного. По мере того как рука становилась чистой, Герой сам её опускал. Мой помощник своим платком протёр ему очки и вернул их на место. Очкарик перестал икать, а когда очки приземлились на его переносицу, в лицо стала поступать кровь. Небольшим усилием руки я направил его к куртке, и тот медленно понёс своё тело в указанном направлении. Мой поступок оценили только десантники, а старшина, подойдя, протянул руку. Я принял рукопожатие и, вернувшись к вещам, уложил их в отвоёванный мной рюкзак. Товарищ же довёл очкарика до куртки, помог надеть её, а остатки барахла распихал по карманам.

Всех позвали на построение, мой товарищ пошёл укладывать свои вещи, я подошёл к нему и дождался, когда он закончит сборы.

– Саня. – Я протянул руку.

– Костя, – искренне улыбаясь, ответил мой Друг.

Конечно, в автобусе мы почти все перезнакомились, но жизнь серьёзного города научила меня воспринимать людей не по именам, а по поступкам. Моё рукопожатие передало часть

тепла руки старшины, и мы с моим новым Другом уже сейчас, на дальнем подступе к армии, обрели семью, и семья приняла нас.

ПРИБЫЛИ

Командиры в беседке стали подниматься и разминать ноги. Они выходили из неё по одному и, пройдя пару шагов, останавливались, чтоб со своего места взглянуть в ряды выстраивающихся ополченцев. Оценив обстановку, они удовлетворённо кивали головой и поворачивались лицом к выходу из беседки – на выходе стоял дежурный капитан. Он отдал какое-то распоряжение – всё засмеялись и, развернувшись, пошли в ополчение.

Сержанты к тому времени закончили построения и разместились с правой стороны от своих подразделений. К ним подошли командиры. У нас был капитан десантных войск. Изда-лека он был похож на лётчика, и только значки на петлицах подтверждали его принадлежность к элитным родам войск.

Появление в строю офицера внесло в наши ряды напряжение: волнения в колоннах ополчения прекратились, воцарилась тишина, и только радостное чириканье воробьёв нарушало торжественность момента.

Перед выстроившимся войском вышел дежурный капитан.

– Равняйся, смир-р-но! – До подачи команды капитан сам принял стойку смирно, потом расслабился и, поведя головой слева направо, проверил чёткость её выполнения.

Мы явно постарались его удовлетворить, и он скомандовал: «Вольно!»

– Товарищи Призывники! – Воробьи замолчали и тоже начали прислушиваться к голосу военачальника. – Вы все прибыли на сборный пункт Уральского военного округа Егоршино. Здесь по мере формирования ваших команд вы пробудете от двух до четырёх дней. Условия пребывания спартанские, призывнику позволено перемещаться по территории части только в составе колонны и только в сопровождении лица, облачённого в военную форму одежды. Сразу предупреждаю, что мера нашего наказания проста, кто не соблюдает распорядок и указания, будет отправлен служить на курорты заполярного круга. Ясно?!

– Так точно, – послышался ответ обречённых на стужу.

Для поднятия боевого настроения капитан ещё несколько раз, усиливая голос, поинтересовался у нас: «Ясно?!», а мы, в свою очередь, чтоб его не огорчать, всё дружнее и дружнее отвечали на его вопрос: «Так точно!!!»

– Так, понятно, время есть, отработаете! – Капитан поднял папку, зажатую в левой руке, и произнёс: «Я сейчас буду зачитывать пофамильно и называть команду! Каждый, услышавший свою фамилию, должен отвечать громким: Я! Затем я назову номер его призывной команды. Каждый запоминает свой номер и ждёт следующих распоряжений. Ясно?!»

– Так точно!

Воробьи, влюблённо слушавшие капитана, вдруг, чего-то испугавшись, поднялись и с криком бросились врассыпную. Один из них, видно, от нервного срыва, пролетая над нашим строем, открыл свой бомболюк и на мою левую грудь повесил первую для меня ратную награду.

Капитан принялся неустанно произносить фамилии, имена и отчества, после утвердительного «Я!» он громко, с расстановкой называл номер команды. Список был длинным, зачитывал он его в алфавитном порядке. Номер моей команды был двести сорок пять, или двести сорок семь, а может двести сорок восемь – неважно, главное – передо мной оказалась дверь в десантные войска. Другие войска я уже не приемлю. Ну, уж очень их сержанты слабы против наших, а я обязательно должен был стать сержантом. Из общего строя прибывших в мою команду попало человек двадцать и Костя, что меня очень порадовало.

Когда чтение именного списка закончилось, капитан поднял глаза и спросил: «Кого не зачитал?».

И что вы думаете?!

Наш Третий поднял руку, сил крикнуть у него ещё не было. Капитан подозвал его к себе и принялся вновь изучать списки, а нас стали громким голосом зазывать офицеры. Они вышли из строя и, не перебивая друг друга, громко произнесли номер своей команды, так повторилось три раза. Мы же, услышав назначенную нам цифру, должны были скучковаться возле офицера своей команды, а его сержанты ставили нас в коробочку. В результате всех этих перестроений вдоль дороги образовалась колонна, разбитая на неравные части. Третьего увёл капитан, а для нас прозвучала команда:

– Равняйся, смирно, вперёд шагом марш!

И мы, как пьяная сороконожка, двинулись в сторону дружелюбно распахнувшихся для нас ворот.

– Ну, встречай нас, родная Армия, мы прибыли, прими нас с миром! – вырвалось у меня из груди.

– Разговорчики в строю! – подал голос офицер.

Часть 2: ПУНКТ СБОРА

ОСТАТОК ПЕРВОГО ДНЯ

Пункт сбора – большая территория, огороженная бетонным забором, на которой с правой стороны располагалась трёхэтажная панельная казарма (этажность точно не помню), за ней был просторный спортивный городок с вытоптаным футбольным полем. Центром являлся большой заасфальтированный плац, слева от него стояли бревенчатые столовая, две казармы и в отдалении штаб. Где располагалась гостиница для офицеров, не знаю, да мне и не надо.

Основной растительностью в периметре пункта были сосны. Ближе к воротам густоту деревьев можно было назвать лесом, вглубь и в сторону бетонной казармы растительность менялась вплоть до полупустыни. Практически вся местность была вытоптана, корни высоких сосен выпирали из земли и походили на щупальца осьминога. Везде организованными кучками располагались разрозненные отряды ополченцев. Нас отвели за казарму и расположили на спортивном городке. Через некоторое время к нам присоединилась ещё одна часть соратников во главе с известными нам сержантами. Как потом оказалось, это мы были их добавкой, а не они нашим пополнением. Самые старые из парней прибыли сюда три дня назад, поездом. Затем к ним стали медленно подвозить остальных.

Основная задача состояла в том, чтобы скоротать время от подъёма до отбоя. Спать на земле нельзя, сидеть можно только на скамейках, а их катастрофически не хватает. Перемещаться следует только организованной толпой, баня бывает, но её ещё никто не видел. Кормят парашей, а ложку надо иметь свою. На довольствие вновь прибывших поставят завтра, а пока сосите **палец**. Чтобы не было скучно, нас разделили на две команды и устроили спортивные соревнования. Мы делали всё: отжимались, бегали наперегонки, подтягивались, упражнялись в строевой подготовке, играли в Чапаевцев. Наши сержанты также принимали горячее участие, словно на кон было поставлено не время, которое нужно убить, а реальная жизнь. Старшина вальяжно сидел на скамейке и, как мне казалось, сочинял стихи. Он внимательно следил за нами, затем отводил глаза и делал какие-то записи в блокноте. Выглядел он умиротворённо и вселял спокойствие. Медленно приближался вечер, утренний хмель давно вышел, вода в уличных поилках была ржавая и тухлая, голод накатывал с удвоенной силой. Я уже готов был выйти на охоту, но по кругу ходили лишь стада голодных, безлошадных ковбоев и ни одного бизона, чтобы хоть сырым мясом, но утолить свой голод и жажду.

Солнце уже готовилось завалиться за ветки стоящего вдалеке леса, когда старшина привёл отряд обстрелянных ополченцев из столовой. Он позвал нас, и мы, как голодные шакалы, подступили к более удачливым однополчанам, которые светились здоровьем и сытостью. Их животы от приёма пищи распухли и выпирали. Глядя на эти довольные хари, было ясно, что в беде нашей они нам не товарищи.

– Так, Тела, подошли и встали вокруг плотным кольцом! – скомандовал старшина.

Мы, нехотя передвигая голодные тела и волоча ноги, выполнили наш предсмертный приказ.

– Доставай! – произнёс благодетель. – У вас три минуты! Всё сметать, крошек не оставлять! И языком не трепать!

Как на евреев, на нас посыпалась манна небесная – сытые товарищи из-за пазух начали доставать буханки хлеба и, разламывая каждую, передавать нам – узникам Освенцима. Мы, не спрашивая, откуда такое чудо, вгрызались в свежий безвкусный хлеб и жевали его, жевали, жевали. По одному и попарно мы начали отбегать к водопойке и сладкой сырой водичкой запиывать последние куски застрявшего хлеба.

Когда трапеза закончилась, мы вновь приняли облик готовых к бою ополченцев.

К старшине ускоренным шагом подошёл ефрейтор Федулов. Лицо его было озабоченно, он что-то быстро проговорил и сделал шаг назад и в сторону.

– Рота, стройся! – громко, как сирена, проревел старшина.

Умиротворение от сытного ужина исчезло мгновенно.

«Вот неугомонные, раз пожрали, то надо б и поспать!» – крикнул я, не сходя с места, но и не открывая рта.

Менялось всё, менялся и я, теперь мыслей становилось больше, чем слов.

Рота мгновенно обрела строй. Каждый из трёхсот пятидесяти человек уже знал своё место, так как в промежутках между физкультурными играми мы тренировали строевые навыки. К исходу дня автоматизму нашего построения не могла бы помешать даже шрапнель – мы всё равно смогли бы составить строй с учётом восполнимых потерь. Муштра из фильмов про царизм без героизма выплеснулась из глубины веков и навалилась на нас, невзирая на современность.

В этот раз нас решили научить двигаться строем. Старшина встал так, чтобы по его фронту была видна та часть городка, где размещались столовая и штаб, и я, перемещаясь в теле строя, начал косить глаз в ту сторону. Там что-то назревало.

Возле штаба стоял офицер с повязкой, к нему подошли два офицера нашей роты и двое из столовой. Немного постояв, вся эта толпа двинулась по направлению к нам. Старшина командовал, мы делали движения, толпа надвигалась. Вскоре они подошли и, изучая нас, остановились на краю футбольного поля, по которому мы отбивали чёткий шаг.

– Рота, стой! Старшина Маковецкий, ко мне! – скомандовал майор-десантник.

– Рота, стой! – повторил команду старшина, мы встали как вкопанные. – Есть! – Он принял руку к виску и ускоренным шагом пошёл к своему старшему командиру. Не доходя до него, он сбавил обороты и, сделав три строевых шага, остановился. – Товарищ майор! Старшина Маковецкий по вашему приказанию прибыл!

– Поясни мне, как долго вы занимаетесь строевой? – Майор произносил слова намеренно громко.

– Последние полчаса! – в таком же тембре ответил старшина.

– Кто водил призывников на ужин?

– Ефрейтор Федулов! – слукавил старшина.

– Вот видишь, капитан, тут какая-то ошибка. – Майор повернул голову в сторону дежурного по сборному пункту.

Тот сделал шаг в нашу сторону и обратился к строю: «Прибывшие сегодня, поднять руку!».

Руки взметнулись вверх и замерли в ожидании следующего указания.

– Ты! – Капитан указательным пальцем показал на меня. – Ко мне!

Я стоял во второй шеренге, но выходить из строя нас уже научили. Проделав нехитрые манипуляции, я вышел из строя и пародией на строевой шаг подошёл к дежурному.

– Призывник Куделин по вашему приказанию прибыл.

– Призывник Куделин, что вам выдали сухим пайком из столовой части?

– От мёртвого осла уши, товарищ капитан! – С явной издёвкой я повторил афоризм незабвенного Остапа Бендера.

– Ты что? **Недоносок!** – Капитан, не оценив юмора, сделал шаг и занёс кулак, но совершить задуманное ему помешал майор, который, перехватив руку, резко повернул его к себе.

– Разорву, успокойся! – процедил майор. Его слова слышали только рядом стоящие и я. – Куделин, встать в строй!

Я вернулся на своё место, а пока мои однополчане, раздвигая ряды, пропускали меня, дежурный капитан и его два сопровождающих ретировались в сторону штаба.

– Значит так, я ваш командир роты временного состава. Я прибыл из сорок четвертой учебной Десантной дивизии, которая располагается в Литве. Вас у меня триста пятьдесят человек. Со мной поедут двести. Так что в ближайшие трое суток вам предстоит пройти естественный отбор. У вас будет время проявить себя, пока формируется эшелон в нашу сторону. Как видите, один себя уже проявил, и ему светит получить медаль за охрану урановых рудников на Новой земле, и конечно, посмертно. Всем ясно?!

– Так точно! – дружно, в один голос, ответил коллектив, но моего голоса в нём уже не было.

– Разойдись! – Мы резко выпрыгнули из строя, как нас уже научили. – Перекурить и приготовиться ко сну, – закончил свои команды майор.

Я стоял молча, опустив голову, словно цветок без воды, забытый в вазе на подоконнике. Несправедливость накатила на меня снежным комом, из-под которого я не мог выбраться, ко мне подходили братья по ополчению и Костя. Они говорили мне что-то ободряющее, но я их не слышал. Я неполный день был десантником и уже свыкся с мыслью, что им стану. Мне даже в страшном сне не могла присниться другая форма. Всё рушилось и ломалось, впору было уже стреляться. Но вдруг меня с двух сторон приобняли два сержанта.

– Не дрейфь, у нас своих не бросают. – Один заглянул в лицо и подмигнул. – Ты ж один из нас, у тебя на лбу курица нарисована.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.